

Н.А. Муравьев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Адверсативный пассив от глаголов направленного движения в казымском диалекте хантыйского языка¹

На материале казымского диалекта хантыйского языка рассматривается пассивный залог от глаголов направленного движения. Целью статьи является объяснение свойств, лежащих в основе механизма пассивизации при глаголах движения. Пассивная конструкция с глаголами движения ограничена событиями, описывающими достижение конечной точки. Повышаемый при пассивизации участник является одушевленным посессором конечной точки, затронутым движением. Субъект движения как понижаемый участник смещается из позиции подлежащего, но при этом обязательно выражается в структуре предложения, обозначая неопределенный или нереферентный источник воздействия. Типологически хантыйский пассив от глаголов движения близок к адверсативным пассивам, но при этом более ограничен лексически и менее грамматикализован.

Введение

Пассивный залог в обско-угорских языках — продуктивная словоизменительная категория глагола, которая используется для выделения основного дискурсивного топика, если основной топик не совпадает с грамматическим подлежащим. Свойства обско-угорского пассива рассматриваются в общем обзоре [Kulonen, 1989], а также в целом ряде работ по западным [Черемисина, Соловар, 1991; Кошкарева, 2002; Мырина, 2005] и восточным [Filtchenko, 2005, 2011, 2012] диалектам хантыйского языка и мансийскому языку [Virtanen, 2015]. Помимо стандартного, типологически распространенного переходного пассива, при котором исходный прямой объект (пациенс) продвигается в позицию подлежащего, а исходный субъект (агенс) смещается в позицию косвенного дополнения, в хантыйских и мансийских идиомах фиксируется пассивная конструкция с глаголами, не имеющими переходных употреблений, ср. [Kulonen, 1989, с. 20–29; Соловар, 2010, с. 91–92].

¹ Исследование поддержано грантом РФФ №19-78-10139 "Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири".

В данной статье мы рассмотрим частный случай такой конструкции — пассив от глаголов направленного движения, который, насколько нам известно, отдельно не рассматривался в работах по пассивному залогу в хантыйском, за исключением одного из разделов в работе [Kulonen, 1989]. Нетривиальная особенность пассива движения состоит в том, что в позицию подлежащего может продвигаться посессор конечной точки движения, который изначально не входит в набор обязательных для ситуации движения участников, но имеет определенный прагматический вес в текущем дискурсе, как обладатель Маша в примерах (1, 2) при обладаемом, неназванном в данном случае месте жительства. Кроме того, как и в других случаях пассива от непереходных глаголов, смещаемый на периферию исходный субъект движения обладает пониженными референциальными свойствами, а именно не может быть референтным определенным.

- (1) *aj iki maša-j-en χōši jōχt-əs*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG к прийти-PST[3SG]
 ‘Мальчик пришел к Маше.’
- (2) *maša-j-en aj iki-j-ən jōχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше мальчик пришел.’

Цель статьи — описать механизм пассивизации глаголов движения и предложить объяснение свойствам, лежащим в его основе и отличающим его от стандартного пассива.

Исследование проведено на материале опроса жителей с. Казым Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (2019, 2020 гг.). В опросе участвовало 18 носителей в возрасте от 42 до 75 лет, свободно владеющих родным языком. Используемые в статье языковые примеры приведены в финно-угорской транскрипции [Honti, 1986; Кошкарева, Соловар, 2007] с поморфемным членением. В цитируемых примерах сохраняется авторский вариант транскрипции, глоссирование при необходимости добавлено или унифицировано. Все приведенные примеры, включая цитированные из других источников, относятся к казымскому диалекту.

Статья состоит из трех разделов. В разделе 1 представлены основные сведения о синтаксисе и семантике хантыйского пассива. Раздел 2 посвящен анализу свойств пассива движения. В разделе 3 подводятся итоги исследования и обсуждаются типологические параллели.

1. Пассив в казымском хантыйском

Морфология пассивной формы в казымском диалекте севернохантыйского языка описана в монографии А. Д. Каксина. Пассив имеет показатель *-a(j)- / -i(j)-*, который располагается после

показателя времени и перед показателем лично-числового согласования. Алломорф с конечным йотом используется, если далее следует лично-числовой показатель, тогда как алломорф без йота фиксируется в форме 3-го л. ед. ч. с нулевым показателем. Алломорф *-a(j)*- выбирается при глаголах с основой на согласный, *-i(j)*- — с основами на гласный [Каксин, 2010, с. 112–114].

Пассив функционирует в системе залогово-согласовательных форм, которая также включает в себя формы субъектного и субъектно-объектного спряжений. Вместе с этими формами, а также падежным кодированием участников пассив составляет «коммуникативную парадигму» предложения, ср. [Кошкарева, 2002], отражающую разное распределение информационно-структурных ролей между участниками в высказывании. Так, при непереходных предикатах используются формы субъектного спряжения, тогда как при переходных возможны обе формы в зависимости от топикальности участников и постановки фокуса. Примеры переходного глагола в субъектном (3) и субъектно-объектном (4) спряжении приведены ниже.

(3) *maša-j-en* *amp* *lǎrt-əs*
 Маша-EP-POSS.2SG собака кормить-PST[3SG]
 ‘Маша накормила собаку.’

(4) *aŋke-λ* *maša-j-əl* *lǎrt-s-əλλe*
 мать-POSS.3SG Маша-EP-POSS.3SG кормить-PST-3SG.SG
 ‘Мама накормила Машу.’

Субъект, уступающий в топикальности другому участнику, смещается из позиции подлежащего на периферию, а топикальный участник продвигается на его место посредством пассивизации. Часто повышаемым в грамматическом статусе участником оказывается исходный прямой объект с ролью пациенса или темы, как в (5).

(5) *maša-j-en* (*aŋke-λ-ən*) *lǎrt-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мать-POSS.3SG-LOC кормить-PST-PASS[3SG]
 ‘Маша была накормлена мамой.’

Помимо пациенса, продвигаться в позицию подлежащего могут различные участники, исходно занимающие позицию косвенного дополнения, ср. реципиент (6), бенефициант (7), а также место (8).

(6) *wep-jəx-λ-aλ-ən* *mōrt-a* *mɔjlə-s-ij-ət*
 зять-люди-PL-POSS.3SG-LOC мера-LAT дарить-PST-PASS-3PL
 ‘Они были щедро одарены семьей зятя.’ [Kulonen, 1989, с. 229]²

(7) *taw-əŋ* *pǎsan-ən*, *soŋ-əŋ* *pǎsan-ən* *wer-s-aj-ət*
 мед-ADJ стол-LOC пиво-ADJ стол-LOC делать-PST-PASS-3PL

² Здесь и далее англоязычные переводы в иностранных источниках даны в русском варианте, перевод на русский язык мой, Н.М.

‘Стол с медом и пивом был накрыт для них.’ [там же, с. 220]

- (8) *mōw šiw-ən mās-λ-a*
земля туман-LOC сесть-NPST-PASS[3SG]
‘Погода туманная.’ [там же, с. 185]

Хантыйский пассив не ограничивается синтаксически переходными или лабильными глаголами (ср. *māsti* ‘сидеть, стоять, ставить’ в примере (6) выше) и возможен от целого ряда непереходных предикатов, у многих из которых формы активного залога отсутствуют, ср. [Соловар 2010, с. 91–92]. Так, пассив образуется от одноместных глаголов *pātləti* ‘стемнеть’ (9), имеющего параллельную форму субъектного спряжения (ср. безличные контексты: *на улице стемнело*), и *māreməti* ‘соскучиться’ (10), не имеющего таковой.

- (9) *lūw šāta pātlə-s-i*
она там стемнеть-PST-PASS[3SG]
‘Ее там темнота застала.’ [Соловар 2010, с. 92]
- (10) *apəlne-ŋ-en māremə-s-i*
младшая сестра-EP-POSS.2SG соскучиться-PST-PASS[3SG]
‘Сестра твоя соскучилась.’ [там же, с. 92]

Вторая группа непереходных глаголов — двух- и более местные глаголы, при которых один из участников представляет собой лицо или предмет, а другой — внешнее физическое или абстрактное явление, воздействующее на первого участника, ср. ветер в (11), воздействующий на шкуру, и зуб в (12), вырастающий у сына. Участник, испытывающий на себе это воздействие, выступает в позиции подлежащего, воздействующая сила при наличии выражается косвенным дополнением в локативе.

- (11) *nūki sōx-əm tōwi wət-ən wətλə-λ-i*
кожа шкура-POSS.1SG весна ветер-LOC обветрить-PST-PASS[3SG]
‘Шкура весенним ветром обветрена.’ [Соловар, 2010, с. 94]
- (12) *pōx-əm peŋk-ən ši et-s-a*
сын-POSS.1SG зуб-LOC ведь появиться-PST-PASS[3SG]
‘У сына появился зуб.’ [там же, с. 93]

К этой же группе относится и пассив от глаголов направленного движения. В статье В. Н. Соловар эти глаголы упоминаются только в переносных контекстах, в которых субъект пассивной конструкции претерпевает изменение состояния под воздействием «посетившей» его внешней силы [Соловар, 2010, с. 91], ср. вхождение в состояние икоты в (13).

- (13) *ta nākəš-ən jōxət-s-aj-əm*
я икота-LOC прийти-PST-PASS-1SG
‘У меня икота началась.’ [Соловар, 2010, с. 93]

Такое же употребление фиксируется в [Kulonen, 1989, с. 172–181]. Однако в предыдущем разделе этой работы [там же, с. 158–172] приводятся примеры прямого употребления глаголов движения, как в (14), где в позиции косвенного дополнения оказывается участник, представляющий собой не абстрактную силу, а физическую группу одушевленных лиц, войско.

(14) *sət xqj-əp λal'-ən ki jəxət-λ-aj-əw*
 сто человек-ADJ войско-LOC если прийти-PST-PASS-1PL
 ‘Если на нас нападёт войско в сто человек.’

[Kulonen 1989, с 165]

Пример (14) интересен в двух отношениях. Во-первых, субъект движения, войско, выраженный локативной именной группой, хотя и не может рассматриваться как прототипический агент в силу непереходности события ‘прийти’, в то же время более агентивен, чем икота в (13). Во-вторых, сам глагол движения *jəxətti* в прямом употреблении не передает непосредственно какого-либо изменения состояния, а если и описывает какое-то воздействие на субъект пассивной конструкции, то лишь опосредованно, поскольку конечной точкой движения является не сам субъект, а территория, на которой он находится. Отчасти в качестве глагола движения может рассматриваться и глагол *etti* ‘появиться’ (см. пример (12)), подразумевающий также движение наружу. Хотя в обсуждаемых источниках этот глагол не фигурирует, по нашим данным, он допускает пассивизацию в значении движения, как в (15), поэтому будет включен в дальнейшее рассмотрение.

(15) *ma p̄ipi-j-ən jeśal̄t et-s-aj-əm*
 я медведь-EP-LOC навстречу выйти-PST-PASS-1SG
 ‘Ко мне медведь навстречу вышел.’

Пассивные формы глаголов движения, описывающие действие определенного лица, в естественных текстах встречаются крайне редко. Один из немногочисленных примеров приведен ниже в (16). Поэтому далее мы ограничимся примерами, полученными в ходе полевой работы.

(16) *wənt ət-ən jəxət-s-aj-əm pa kim*
 лес вещь-LOC прийти-PST-PASS-1SG и наружу
et-mə-s-əm pa ši xqχəl-mə-s-əm jqr-əm
 выйти-PNCT-PST-1SG и ведь бежать-PNCT-PST-1SG сила-1SG
t̄arm-əm kəm-ən
 хватать-PFV.PTCP возможность-LOC

дорога вдоль шагать-CVB Маша-EP-POSS.2SG петь-PST[3SG]
 ‘Шагая по дороге, Маша пела.’

- (19) *aj iki maša-j-en χət-a jǒχt-əs*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG дом-DAT прийти-PST[3SG]
 ‘Мальчик пришел к Маше домой.’

Единственный контекст из перечисленных выше, допускающий пассивизацию, — пример (19) с выраженной конечной точкой. В его пассивном аналоге (20) конечная точка ‘Машин дом’ продвигается в позицию подлежащего, в то время как исходный субъект ‘мальчик’, как и при стандартном пассиве, смещается на периферию и маркируется локативом.

- (20) *maša-j-en χət χǒjat-ən jǒχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG дом какой.INDEF прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше домой кто-то пришел.’

Попытки пассивизации глаголов с выраженной начальной точкой

- (21) или маршрутом (22) ведут к неграмматичности.

- (21) **maša-j-en χət mǒlsər χǎnneχǒjat-ən*
 Маша-EP-POSS.2SG дом какой.INDEF человек-LOC
ət-s-a
 появиться-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘Из Машиного дома какой-то человек вышел.’

- (22) **ĩām jǒš-en χǒjat-ən šǒš-s-a*
 этот дорога-POSS.2SG кто.INDEF-LOC шагать-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘По этой дороге кто-то ходил.’

То, что глагол *jǒχatti* ‘прийти’, как и другие глаголы, которые мы будем рассматривать далее, является непереходным и что участник с ролью конечной точки не занимает исходно позицию прямого дополнения, явным образом подтверждается невозможностью активного переходного употребления в субъектном и субъектно-объектном спряжениях (23).

- (23) **aj iki maša-j-en χət jǒχt-əs /*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG дом прийти-PST[3SG] /
jǒχət-s-əλλe
 прийти-PST.3SG.SG
 Ожид.: ‘Мальчик посетил Машин дом.’

Более того, как выясняется, продвигаться в позицию подлежащего может не любая конечная точка. Так, например, повышение простого неоформленного имени типа ‘дом’ в (24) без каких-либо зависимых невозможно. Ситуацию исправляет только наличие в именной группе конечной точки выраженного определенного посессора, как в (25). Тем самым значимым для пассивизации события движения является не сама конечная точка или конечное пространство, а факт

принадлежности данного конечного пространства
определенному лицу.

(24) **χət aj iki-j-ən jōχət-s-a*
дом мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
'В дом мальчик пришел.'

(25) *χət-ew aj iki-j-ən jōχət-s-a*
дом-POSS.1PL мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
'В наш дом мальчик пришел.'

Эта особенность пассива от глаголов движения в сочетании с фактом их непереходности ставит нас перед необходимостью подробного анализа события движения и ее участников. Полноценное понимание механизма пассивного преобразования в этих контекстах предполагает развернутый ответ на следующие два вопроса: **1) Каковы свойства события и его участников при пассиве движения? 2) Чем мотивированы эти свойства?** Первый вопрос является эмпирическим и будет рассмотрен нами в последующих трех разделах 2.1–2.3, включая свойства события движения, свойства конечной точки и ее посессора и свойства траектора. Второй вопрос, в свою очередь, является теоретическим и включает в себя осмысление и объяснение эмпирических фактов и поиск типологических параллелей, чему будет посвящен раздел 3.

2.1. Свойства события движения

Рассмотрим, как устроено с точки зрения семантики событие движения и какие компоненты значения должны присутствовать в глагольной лексеме, чтобы пассивизация была возможна. Поскольку, как было сказано выше, для пассивной конструкции от глаголов направленного движения важно наличие у глагола участника с ролью конечной точки, выглядит закономерным, что такая конструкция возможна только от **глаголов пути**, таких как *идти, пойти, прийти, войти* или *выйти*, описывающих, прежде всего, траекторию движения [Talmy, 1972, 1985]. В примерах ниже можно видеть пассив с продвижением конечной точки от глаголов *λδῆτι* 'войти' (26), *etti* 'выйти' (27) и *pitti* 'упасть' (28).

(26) *maša-j-en χət-əl χōjat-ən*
Маша-EP-POSS.2SG дом-POSS.3SG кто.INDEF-LOC
λδῆ-s-a
войти-PST-PASS[3SG]
'К Маше в дом кто-то заходил.'

(27) *ta pūpi-j-ən jeśalt et-s-aj-əm*
я медведь-EP-LOC навстречу выйти-PST-PASS-1SG
'Мне медведь повстречался.'

(28) *pet'a-j-en nūw pūl-ən elti pit-s-a*

Петя-EP-POSS.2SG ветка кусок-LOC сверху падать-PST-PASS-3SG
'Пете ветка на голову упала.'

В свою очередь, **глаголы способа движения**, выделяющие компонент характера пространственного перемещения, такие как *бежать, лететь, плыть* или *ползти*, не имеют пассивных форм.

- (29) **maša-j-en* *χōjat-ən* *χρχαλ-s-a / wqś-s-a /*
Маша-EP-POSS.2SG кто.INDEF-LOC бежать / плыть /
pqrλə-s-i
лететь-PST-PASS[3SG]
Ожид.: 'К Маше кто-то бежал / плыл / летел.'

Однако в пассивной конструкции допускаются далеко не любые глаголы пути. Так, например, нейтральный глагол движения *mānti* 'идти', (англ. generalized motion verb [Rakhilina, 2004]), который описывает движение как живых существ, так и неодушевленных объектов, имеет валентность на конечную точку, но в пассивной конструкции в (30) оказывается неграмматичен. То же касается и глагола *wρχαλι* 'спускаться' (31), специфицирующего направление движения.

- (30) **maša-j-en* *χōjat-ən* *mān-s-a*
Маша-EP-POSS.2SG кто.INDEF-LOC идти-PST-PASS[3SG]
Ожид.: 'К Маше кто-то шел.'
- (31) **maša-j-en* *χōjat-ən* *wρχαλ-s-a*
Маша-EP-POSS.2SG кто.INDEF-LOC спускаться-PST-PASS[3SG]
Ожид.: 'К Маше кто-то спускался.'

Невозможен пассив и от глагола движения *jānχti* 'ходить', который, как и в русском, может описывать движение до конечной точки с возвращением в исходную (ходить в магазин).

- (32) **tōm* *χət-en* *χōjat-ən* *jānχ-s-a*
тот дом-POSS.2SG кто.INDEF-LOC ходить-PST-PASS[3SG]
'В тот дом кто-то ходил.'

Исходя из этого, ключевым для пассивной конструкции можно считать не наличие валентности на конечную точку, а семантический компонент достижения этой точки. Несколько выбивается из общего ряда глагол *jiti* 'идти по направлению к говорящему'. Он используется только в контексте настоящего времени (33), где, по-видимому, момент достижения настолько близок, что говорящий уверен, что цель будет достигнута. В прошедшем же времени в (34) вместо него используется глагол *jōχatti* 'прийти'.

- (33) *maša-j-en* *aj iki-j-ən* *ji-λ-i*
Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC идти-NPST-PASS[3SG]
'К Маше мальчик идет.'
- (34) *maša-j-en* *aj iki-j-ən* *jōχət-s-a / *ji-s-i*

Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC прийти/идти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше пришел мальчик (*шел).’

Таким образом, из всех глаголов направленного движения пассивный залог возможен только от глаголов пути с валентностью на конечную точку и обязательным семантическим компонентом достижения этой точки.

2.2. Свойства конечной точки и ее посессора

В качестве продвигаемого в позицию подлежащего участника при пассивизации глаголов направленного движения мы до этого момента рассматривали конечную точку движения. В то же время, как мы уже отмечали выше, повышение конечной точки возможно лишь в том случае, если у нее имеется поверхностно выраженный определенный посессор. Рассмотрим подробнее роль обоих участников в залоговом преобразовании. Итак, в активной диатезе посессор при конечной точке может быть выражен при помощи лично-числового посессивного суффикса, как *-ew* в (35), при помощи полной именной группы, ср. *maša-j-en* в (36).

(35) *χǒjat wǒnt-ew-a jǒχt-əs*
 кто.INDEF лес-POSS.1PL-DAT прийти-PST [3SG]
 ‘В наш лес кто-то пришел.’

(36) *aj iki maša-j-en χət-a jǒχt-əs*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG дом-DAT прийти-PST[3SG]
 ‘Мальчик пришел в машин дом.’

В обоих случаях пассивизация свободно допускается носителями, ср. (37) и (38) ниже.

(37) *wǒnt-ew χǒjat-ən jǒχət-s-a*
 лес-POSS.1PL кто.INDEF-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘В наш лес кто-то пришел.’

(38) *maša-j-en χət aj iki-j-ən jǒχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG дом мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше домой мальчик пришел.’

Если же посессор при субъекте пассивной конструкции отсутствует, предложение теряет грамматичность.

(39) **wǒnt χǒjat-ən jǒχət-s-a*
 лес кто.INDEF-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 Ожид. ‘В лес кто-то пришел.’

(40) **χət aj iki-j-ən jǒχət-s-a*
 дом мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘В дом мальчик пришел.’

Однако, как показывает пример (41), пассивизация допустима и в том случае, если продвигаемый в позицию подлежащего участник оформлен не семантическим, а *дискурсивным* показателем посессивности, указывающим на определенность обозначаемого именной группой референта [Михайлов, 2018].

- (41) *tām wənt-en χōjat-ən jōχət-s-a*
 этот лес-POSS.2SG кто.INDEF-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘В этот лес кто-то пришел.’

С учетом этой функции посессивных показателей контекст (41) выглядит как предложение с именной группой без посессора в позиции подлежащего. Тем не менее здесь из суждений носителей явным образом следует, что реальный посессор (мы) подразумевается прагматически, иначе высказывание теряет релевантность.

Кроме того, пассивизация возможна в контекстах с имплицитной конечной точкой, если эта конечная точка является личным пространством некоторого определенного участника, ср. [Daniel, 2003] о лично-локативных конструкциях. В активной диатезе (42) посессор имплицитной конечной точки кодируется послелогом *χōsí* ‘у, к’, ср. неграмматичность датива, маркирующего саму конечную точку. При пассивизации посессор, как можно видеть в (43), напрямую продвигается в позицию подлежащего, в то время как сама конечная точка не упоминается.

- (42) *aj iki maša-j-en χōsí /*maša-j-en-a*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG к Маша-EP-POSS.2SG-DAT
jōχt-as
 прийти-PST[3SG]
 ‘Мальчик пришел к Маше.’

- (43) *maša-j-en aj iki-j-ən jōχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше мальчик пришел.’

Причина столь важной роли посессора конечной точки в пассивном преобразовании глаголов движения, по-видимому, кроется в том, что даже в контекстах физического движения форма пассивного залога подчеркивает воздействие описываемого глаголом события на некоторого участника, а участником, испытывающим на себе воздействие движения, в конечном итоге является именно посессор, а не сама конечная точка. Это можно проиллюстрировать разницей интерпретаций в примерах ниже. Так, событие посещения кем-то Машиного дома в активном залоге, как в (44), прагматически нейтрально, тогда как при пассивизации в (45) то же событие без специального контекста воспринимается как незаконное вторжение, несущее негативные последствия для хозяйки дома.

- (44) *maša-j-en* *χət-a* *mǒlsər* *χanneχǒjat-ət*
 Маша-EP-POSS.2SG дом-DAT какой.INDEF человек-PL
λǒη-s-ət
 входить-PST-3PL
 ‘К Маше домой какие-то люди заходили.’ {^{OK}Маша была дома
 / ^{OK}Маши не было дома}
- (45) *maša-j-en* *χət* *mǒlsər* *χanneχǒjat-ən*
 Маша-EP-POSS.2SG дом какой.INDEF человек-LOC
λǒη-s-a
 входить-PST-PASS[3SG]
 ‘В Машин дом какие-то люди заходили.’ {^{OK}Маши не было
 дома / [?]Маша была дома}

К этому можно добавить, что посессор конечной точки не просто одушевленный, это обязательно человек, чье ментальное состояние претерпевает изменение посредством описываемого события. Животное в позиции подлежащего такой конструкции возможно лишь маргинально в фольклорных контекстах, где животные выступают в роли основных действующих лиц, наделенных разумом.

- (46) [?]*wǒχsar-en* *oηχ-əl* *aj wɔj-ən* *jǒχət-s-a*
 лиса-POSS.2SG нора-POSS.3SG мышка-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘В лисью нору прибежала мышка.’

Таким образом, хотя формально при пассивизации глаголов движения в позицию подлежащего продвигается именная группа конечной точки движения, с точки зрения семантики повышаемым в статусе участником является все же посессор при конечной точке. Этот участник обязательно определенный и одушевленный и всегда поверхностно выражен, кроме случаев, в которых он имплицитно подразумевается. Повышение в статусе посессора может отражаться и формально, так происходит в контекстах, где конечная точка — имплицитное личное пространство.

2.3. Свойства траектора

Понижаемым участником при пассиве движения является субъект движения, или траектор. Как и при стандартном пассиве, исходный субъект смещается из позиции подлежащего в периферийную позицию косвенного дополнения, получая локативное маркирование, ср. примеры (47) и (48), повторенные ниже.

- (47) *aj iki* *mašaj-en* *χǒsi* *jǒχt-əs*
 мальчик Маша-POSS.2SG к прийти-PST[3SG]
 ‘Мальчик пришел к Маше.’
- (48) *mašaj-en* *aj ikij-ən* *jǒχət-s-a*
 Маша-POSS.2SG мальчик-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше мальчик пришел.’

Однако в сравнении со стандартным пассивом пассивная конструкция с глаголами движения обнаруживает два принципиальных отличия. Во-первых, смещенный траектор (49), в отличие от простого переходного субъекта (50), не может быть опущен.

- (49) **maša-j-en* *jǒχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG прийти-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘К Маше пришли.’
- (50) *maša-j-en* *lǎpət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG кормить-PST-PASS[3SG]
 ‘Машу накормили.’

Во-вторых, траектор движения при пассиве может быть только неопределенным (51), в то время как наличие посессивного оформления в (52), указывающего на определенность, приводит к неграмматичности.

- (51) *maša-j-en* *aj iki-j-ən* *jǒχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘К маше мальчик пришел.’
- (52) **maša-j-en* *aj ik-en-ən* *jǒχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-POSS.2SG-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘К Маше мальчик (опр.) пришел.’

Для сравнения референциальный статус субъекта переходного глагола в пассивной конструкции ничем не ограничен, ср. неоформленная именная группа в (53) и посессивное оформление в (54).

- (53) *maša-j-en* *aj iki-j-ən* *lǎpət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC кормить-PST-PASS[3SG]
 ‘Машу мальчик накормил.’
- (54) *maša-j-en* *aj ik-en-ən* *lǎpət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-POSS.2SG-LOC кормить-PST-PASS[3SG]
 ‘Машу мальчик (опр.) накормил.’

Все то же самое проявляется и в метафорических контекстах, как в (55), где субъект пассивной конструкции претерпевает изменение состояния, в данном случае эмоционального, под воздействием абстрактной внешней силы (здесь — смеха), который в этой функции всегда выражен, но не может мыслиться как определенный.

- (55) *maša-j-en* *ńǎχ-ən* / **ńǎχ-əl-ən*
 Маша-EP-POSS.2SG смех-LOC / смех-POSS.3SG-LOC
jǒχət-s-a
 прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘Маше стало смешно.’ (букв.: к Маше смех пришел).

Такое сходство поведения пассива в прямых и переносных контекстах, на наш взгляд, неслучайно и говорит о переосмыслении семантики глагола движения при пассивизации. Происходит смещение фокуса с физического движения на эффект, производимый движением на одушевленное лицо. С одной стороны, важен источник такого воздействия, поэтому его нельзя опустить, однако этот источник не является определенным лицом, появление которого было бы хоть в какой-то мере предсказуемым.

3. Итоги анализа и типологические параллели

Итак, сравним преобразование аргументной структуры при стандартной пассивизации переходных глаголов и при пассивизации глаголов направленного движения. В таблице 1 суммированы основные сведения о маркировании участников при стандартном изменении диатезы с активной на пассивную. Исходный прямой и косвенный объект одинаково продвигаются в синтаксическом отношении в позицию подлежащего, в то время как исходный агенс смещается на периферию, получая локативное оформление.

Таблица 1. Маркирование участников при активном и пассивном залоге / Fig. 1. Participant coding in active and passive.

Участник	Активный залог		Пассивный залог	
	Позиция	Маркирование	Позиция	Маркирование
Агенс	Подлежащее	NOM	Косвенное дополнение	(LOC)
Пациенс	Прямое дополнение	ACC	Подлежащее	NOM
Другие роли	Косвенное дополнение	DAT, LOC, послелог	Подлежащее	NOM

Преобразования участников при пассиве от глаголов направленного движения обобщены в таблице 2 ниже.

Таблица 2. Маркирование участников при активе и пассиве глаголов движения / Fig. 2. Participant coding in active and passive of motion verbs.

Участник	Активный залог		Пассивный залог	
	Позиция	Маркирование	Позиция	Маркирование
Траектор	Подлежащее	NOM	Косвенное дополнение	LOC
Конечная точка	Косвенное дополнение	DAT	Подлежащее	NOM
Посессор	Зависимое в ИГ или косвенное дополнение	POSS / послелог	Зависимое в ИГ или Подлежащее	POSS / NOM

Как можно видеть из таблицы, пассивный залог образуется от глаголов направленного движения с валентностью на конечную точку. При этом обязательным является не только наличие конечной точки в аргументной структуре глагола, но и достижение событием этой точки. С синтаксической точки зрения участник с ролью конечной точки продвигается в позицию подлежащего, смещая из нее субъекта движения, но ключевым в этом процессе является повышение в статусе определенного и одушевленного посессора при конечной точке движения, затронутого событием движения. Это подтверждается в том числе возможностью имплицитного выражения конечной точки, при котором сам посессор оказывается в позиции подлежащего. В свою очередь, смещаемый из позиции подлежащего в позицию локативного косвенного дополнения траектор движения переосмысливается как обязательный к выражению, но строго неопределенный источник неконтролируемого воздействия.

Несмотря на то что прямых типологических параллелей хантыйской пассивизации движения найти не удастся, существует целый ряд хорошо известных в типологической литературе конструкций, повышающих участника, исходно не являющегося аргументом глагола, таких как дативный аппликатив [Berman, 1982; Maldonado, 2000] и адверсативный пассив [Malchukov, 1993; Shibatani, 1994]. Основная функция таких конструкций сводится к тому, чтобы повысить в грамматическом статусе участника, испытавшего на себе воздействие описываемого события, путем семантической или прагматической привязки к самому событию или какому-либо из его непосредственных участников, обычно прямому дополнению.

Довольно часто такой участник повышается с посессора прямого объекта до дативного аргумента глагола. Такая модель широко распространена в европейских языках, ср. предложение из немецкого (56) и французского языка (57).

(56) *Man hat ihm den Arm ge-broch-en.*
 IMPS AUX.3SG он.DATDEF.M.ACC рука PFV-ломать-PFV
 ‘Ему сломали руку.’ [Shibatani, 2006, с. 242]⁴

(57) *Jean lui a cassé sa vaisselle.*
 Жан он.OBL AUX.3SG разбить.PFV 3SG.POSS.F ваза
 ‘Жан разбил его вазу.’ [там же]

Иногда такой участник может повышаться и до прямого объекта, что сопровождается инкорпорацией исходного прямого объекта в глагол, как в могаукском языке (58).

⁴ Глоссы мои, Н.М.

- (58) *wa-hi-'sereht-anVhsko*
 PST-он/меня-машина-украсть
 'Он украл у меня машину.' [Mithun, 1984, с. 868]

Повышение посессора в таких конструкциях мотивировано тем, что, хотя действие производится над референтом в позиции прямого объекта, конечный эффект от этого действия приходится на посессора при этом референте. При этом центральными для таких конструкций являются контексты, в которых прямой объект является частью тела одушевленного участника, как в (53), поскольку посессор в этом случае испытывает максимальное воздействие события. Однако сфера употребления таких конструкций распространяется и на другие посессивные отношения при условии, что одушевленный участник физически вовлечен в событие или затронуты его интересы, ср. [Shibatani, 1994, с. 461–465; Shibatani, 2006, с. 241–242].

Отталкиваясь от описанной выше ситуации в европейских языках, пассивная конструкция с глаголами движения хантыйском можно было бы рассматривать как процесс из двух этапов: (1) повышение посессора до позиции прямого объекта либо дативного косвенного объекта, и (2) продвижение посессора из объектной позиции в позицию субъекта. Первый этап типологически обоснован, а про второй мы также знаем, что хантыйский пассив продвигает в позицию субъекта широкий спектр участников, включая разного рода дативные аргументы. На практике же формальное повышение посессора до дативного аргумента неграмматично, ср. (42), повторенный ниже в (59), как и повышение до прямого объекта, ср. (60).

- (59) *aj iki maša-j-en χōśi / *maša-j-en-a*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG к Маша-EP-POSS.2SG-DAT
jōχt-əs
 прийти-PST[3SG]
 'Мальчик пришел к Маше.'
- (60) **aj iki maša-j-en jōχt-əs / jōχət-s-əλλe*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG прийти-PST[3SG] / прийти-PST.3SG.SG
 Ожид.: 'Мальчик посетил машин дом.'

Следовательно, первый этап данного процесса при пассивизации движения может мыслиться лишь как скрытый.

Более близкие аналоги хантыйского пассива движения — пассив на *-(r)are-* в японском языке и пассив на *-v- / -m-* в эвенском языке. Японский пассив на *-(r)are-*, помимо стандартной пассивизации, также может использоваться в адверсативной функции как конструкция, повышающая затронутый событием посессор прямого объекта, оставляя при этом аккумулятивное маркирование самого прямого объекта, как показано в (61). Эвенский пассив на *-v- / -m-*, в

свою очередь, гораздо более похож на хантыйский, поскольку повышает не только посессора, но и сам прямой объект, меняя исходное аккузативное маркирование на номинативное (62).

- (61) *Taroo wa Hanako-ni atama-o nagur-are-ta.*
 Таро TOP Ханako-DAT голова-ACC бить-PASS-PST
 ‘Ханako ударил Таро по голове.’ [Shibatani, 1994, с. 463]
- (62) *Etiken-∅ nugde-du gia-o-j ma-v-ra-n*
 старик-NOM медведь-DAT друг-NOM.RPOSS.SG убить-AD-NFUT-3SG
 ‘Медведь убил друга старика.’ [Malchukov, 1993, с. 2]

Про японский пассив также известно, что он, в отличие от эвенского и хантыйского, практически не накладывает семантических ограничений на отношение между прямым объектом и затронутым участником, допуская лишь прагматическую связь между ними, как в (63). Во-вторых, в отличие от хантыйского пассива, он свободно сочетается с неодушевленными участниками (64).

- (63) *Taroo wa Hanako ni piano o hik-are-ta.*
 Таро TOP Ханako DAT пианино ACC играть-PASS-PST
 ‘Таро был негативно затронут игрой Ханako на пианино.’
 [Shibatani, 1994, с. 464]
- (64) *Kuruma wa ressha ni baa o hikkake-rare-ta.*
 машина TOP поезд DAT бампер ACC выдергивать-PASS-PST
 ‘Поезд выбил бампер машины.’ [Kortland, 1992, с. 101]

Обе формы сочетаются с интересующим нас классом глаголов движения. При этом эвенский пассив, в отличие от хантыйского, сочетается с глаголами, описывающими не только достижение конечной точки (65), но и движение из начальной точки (66), а также промежуточную фазу движения (67).

- (65) *etiken-∅ asi-du nulge-v-re-n*
 старик-NOM женщина-DAT ходить-AD-NFUT-3SG
 ‘Женщина подошла внезапно к старику, к его несчастью.’
 [Malchukov, 1993, с. 10]
- (66) *etiken-∅ asij-∅-i nulge-v-re-n*
 старик-NOM женщина-NOM.RPOSS.SG ходить-AD-NFUT-3SG
 ‘Жена старика ушла, к его несчастью.’ [там же]
- (67) *bi-∅ ni-du-vul dali-la girka-v-ra-m*
 я-NOM кто-DAT-INDEF.CL близко-LOC ходить-AD-NFUT-1SG
 ‘Кто-то ходит рядом со мной, к моему несчастью.’
 [там же, с. 9]

Сочетаемость японского пассива с глаголами движения отдельно не рассматривается, но, насколько можно судить по примеру (68), едва ли можно говорить о каких-либо ограничениях.

- (68) *Kodomo wa kawaii inn ni jaretsuk-are-ta.*
ребенок TOP милый собака DAT резвиться-PASS-PST
'Милая собака резвилась вокруг ребенка, к его радости.'
[Kortland, 1992, с. 100]

Общим для японского, эвенского и хантыйского является выражаемый посредством пассивизации смысл неконтролируемого воздействия, а также возможность в чистом виде семантического повышения участника, который морфосинтаксически не является актантом исходного события. Вместе с тем возможности эвенского и в особенности японского пассива с точки зрения типов событий и их связи с объектом воздействия оказываются гораздо более широкими.

В целом хантыйский пассив от глаголов направленного движения можно рассматривать как явление, находящееся на пересечении двух функционально-семантических зон: залога и адверсативности. Залог ранжирует участников по семантическим и информационно-структурным свойствам и имеет специальный грамматический механизм пассивизации для продвижения в приоритетную синтаксическую позицию более коммуникативно значимых участников. В свою очередь, адверсативность выявляет участников, в наибольшей степени затронутых событием, и не имеет собственного грамматического механизма, поэтому задействует другие механизмы, такие как подъем посессора в позицию косвенного объекта позицию в немецком и французском или пассивизацию, как в японском и хантыйском. При этом в японской и эвенской пассивной конструкции она оказывается грамматикализованной и встроенной в значение категории, тогда как в хантыйском она ограничена лишь отдельными лексемами и конструкциями. Хантыйский пассив от глаголов направленного движения, таким образом, можно рассматривать как случай конструкционализации в смысле [Traugott, 2015, с. 54], при котором образуется новая конструкция из двух элементов: формального, а именно пассивного залога от глагола движения, и содержательного, а именно неконтролируемого воздействия на одушевленного участника. Не исключено, что подобный процесс может являться промежуточным шагом к полной грамматикализации адверсативной семантики, которая наблюдается в эвенском и японском. Однако для полного понимания развития адверсативности необходимо отдельное сопоставительное исследование на широком типологическом материале.

Заключение

Как показывает наш анализ, пассивная конструкция с глаголами движения описывает событие достижения некоторым участником конечного пункта движения с позиции другого участника, который

является обладателем конечной точки движения и испытывает на себе воздействие этого события. В отличие от стандартного пассива, при пассиве движения исходный субъект, понижаемый в синтаксическом статусе, всегда неопределенный и не может опускаться. Это говорит о десемантизации глагола и смещении основного смыслового акцента с компонента движения на компонент неконтролируемого воздействия, при котором принципиальное значение имеет источник воздействия. В то же время повышение в статусе устроено асимметрично в отношении морфосинтаксиса и семантики. В морфосинтаксическом плане повышаемым участником является конечная точка движения, которая формально продвигается в позицию подлежащего. С точки зрения семантики же ключевой фигурой оказывается посессор данной конечной точки, который испытывает на себе конечное воздействие события движения. Формально этот участник либо сохраняет позицию посессора при именной группе конечной точки, либо метонимически замещает ее в позиции субъекта.

Литература

Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. изд. 2-е, доп., 2010.

Кошкарева Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2002. № 12. С. 29–44.

Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Увты муй ўвты: курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск: «Гео», 2007.

Михайлов С. К. Почему хантыйские имена нуждаются в определенном артикле? Тез. Пятнадцатой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.) / Ред. Д. Ф. Мищенко. СПб: ИЛИ РАН. 2018. С. 79–81.

Мырина Д. Ф. Активная и пассивная конструкции в хантыйском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2005. № 4. С. 95–98.

Соловар В. Н. Статальные элементарные простые предложения с пассивными формами глагольного сказуемого в казымском диалекте хантыйского языка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9, № 2. С. 91–98.

Черемисина М. И., Соловар В. Н. Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем // Языки народов Сибири: грамматические исследования: сборник статей / Отв. ред.

Е. И. Убрятова, М. И. Черемисина. Новосибирск: «Наука», 1991. С. 66–84.

Berman R. A. Dative marking of the affectee role: Data from Modern Hebrew // MIT Working Papers in Linguistics. 1981. Vol. 3. P. 35–59.

Daniel M. Towards a typology of personal locatives. Problem setting // Talk at The Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology (ALT V). Cagliari, September 15–18, 2003.

Filchenko A. Non-canonical agent-marking in Eastern Khanty: A functional-pragmatic perspective // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2005. Vol. 11, No. 1. P. 29–40.

Filchenko A. Parenthetical agent-demoting constructions in Eastern Khanty: Discourse salience vis-à-vis referring expressions // Salience: Multidisciplinary Perspectives on Its Function in Discourse / Ed. by C. Chiarcos, B. Claus, M. Grabski. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. P. 57–80.

Filchenko A. Continuity of information structuring strategies in Eastern Khanty // Argument Structure and Grammatical Relations. A crosslinguistic typology / Ed. by P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 115–131.

Kortlandt F. On the meaning of the Japanese passive // Acta Linguistica Hafniensia. 1992. Vol. 24, No. 1. P. 97–108.

Kulonen U. M. The Passive in Ob-Ugrian. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1989.

Malchukov A. L. The syntax and semantics of adversative constructions in Even // GENGO KENKYU (Journal of the Linguistic Society of Japan). 1993. Vol. 103: 1-36.

Maldonado R. Conceptual distance and transitivity increase in Spanish reflexives // Reflexives: Forms and functions / Ed. by Z. Frajzyngier, T. S. Curl. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 153–186.

Mithun M. The evolution of noun incorporation // Language. 1984. Vol. 60, No. 4. P. 847–894.

Honti L. Chrestomathia ostiatica. Tankönyvkiadó, Budapest. 1986

Rakhilina E. V. There and Back: The Case of Russian ‘go’ // GLOSSOS. 2004. Vol. 5. P. 1–33.

Shibatani M. An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives // Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Vol. 20. No. 1. 1994. P. 461–486.

Shibatani M. On the conceptual framework for voice phenomena // Linguistics. 2006. Vol. 44., No. 2. P. 217–269.

Talmy L. Semantic Structures in English and Atsugewi. Berkeley: University of California Ph.D. dissertation, 1972.

Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language Typology and Syntactic Description. Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon / Ed. by T. Shopen. Cambridge University Press, 1985. P. 57–149.

Traugott E. C. Toward a coherent account of grammatical constructionalization // *Diachronic construction grammar* / Ed. by J. Barðdal, E. Smirnova, L. Sommerer, S. Gildea, 2015. Vol. 18. Amsterdam: John Benjamins Publishing. P. 51–79.

Virtanen S. Transitivity in Eastern Mansi: An information structural approach. University of Helsinki. PhD dissertation, 2015.

Сокращения

ABL — аблатив, ACC — аккузатив, AD — адверсативный пассив, ADJ — адъективизатор, AUX — вспомогательный глагол, CL — клитика, CVB — конверб, DAT — датив, DEF — определенность, F — женский род, FOC — фокус, IMPS — имперсонал, INDEF — неопределенность, LAT — латив, LOC — локатив, M — мужской род, NFUT — небудущее время, NOM — номинатив, NPST — непрошедшее время, OBL — обликвус, PASS — пассив, PFV — перфектив, PL — множественное число, PNCT — пунктив, POSS — посессив, PST — прошедшее время, PTCP — причастие, R — рефлексив, SG — единственное число, TOP — топик

N. A. Muravyev

National Research University Higher School of Economics

Adversative passive from motion verbs in Kazym Khanty

This study examines the passive construction with intransitive motion verbs in Kazym dialect of Khanty based on a survey of the speakers from Kazym village, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Russia (2019-2020). The aim of the study is to describe the mechanism of motion passivization and to explain the underlying properties of the motion event and its participants. The study reveals that motion passive combines only with goal-oriented verbs. It raises the animate possessor of the goal affected by the event while demoting the trajector. Typologically it is similar to adversative constructions, however it is less grammaticalized and more lexically restricted.

References

Kaksin A. D. Kazymskij dialekt hantyjskogo jazyka [Kazym dialect of Khanty]. Hanty-Mansijsk, Obsko-ugorskij institut prikladnyh issledovanij i razrabotok, 2010.

Koshkareva N. B. Kommunikativnaja paradigma hantyjskogo predlozhenija [A communicative paradigm of Khanty sentence]. *Jazyki korennyh narodov Sibiri*, Novosibirsk, 2002, no. 12, pp. 29–44.

Koshkareva N. B., Solovar V. N. Uvty muj žvty: kurs praktičeskoj fonetiki hantyjskogo jazyka (kazymskij dialekt) [Uvty muj žvty: a practical course of Khanty phonetics]. Novosibirsk, “Geo”, 2007.

Mihajlov S. K. Počemu hantyjskie imena nuzhdajutsja v opredelennom artikle? [Why Khanty nouns need a definite article]. Pjatnadcataja Konferencija po tipologii i grammatike dlja molodyh issledovatelej. Sankt-Peterburg, 22–24 nojabrja 2018 [15th conference on typology and grammar for young researchers. Saint-Petersburg, 22-24 November 2018]. Ed. by D. F. Mishhenko. Saint-Petersburg, ILS RAS, 2018, pp. 79–81.

Mymrina D. F. Aktivnaja i passivnaja konstrukcii v hantyjskom jazyke [Active and passive constructions in Khanty], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 2005, no. 4, pp. 95–98.

Solovar V. N. Statal'nye jelementarnye proste predloženija s passivnymi formami glagol'nogo skazuemogo v kazymskom dialekte hantyjskogo jazyka [Statal elementary simple sentences with passive verbal predicate forms in Kazym Khanty], *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija*, 2010, vol. 9, no. 2, pp. 91–98.

Cheremisina M. I., Solovar V. N. Zalogovost', perehodnost', prjamoj objekt v jazykah raznyh sistem [Voice, transitivity, direct object in different language systems]. In: E. I. Ubrjatova, M. I. Cheremisina (Eds). *Jazyki narodov Sibiri: grammatičeskie issledovanija: sbornik statej*, Novosibirsk, “Nauka”, 1991, 66–84.

Berman R. A. Dative marking of the affectee role: Data from Modern Hebrew. *MIT Working Papers in Linguistics*, 1981, vol. 3, pp. 35–59.

Daniel M. Towards a typology of personal locatives. Problem setting. Talk at The Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology (ALT V). Cagliari, September 15–18, 2003.

Filchenko A. Non-canonical agent-marking in Eastern Khanty: A functional-pragmatic perspective. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 2005, vol. 11, no. 1, pp. 29–40.

Filchenko A. Parenthetical agent-demoting constructions in Eastern Khanty: Discourse salience vis-à-vis referring expressions. In: C. Chiarcos, B. Claus, M. Grabski (Eds). *Salience: Multidisciplinary Perspectives on Its Function in Discourse*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011, 57–80.

Filchenko A. Continuity of information structuring strategies in Eastern Khanty. In: P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev (Eds). *Argument Structure and Grammatical Relations. A crosslinguistic typology*. Amsterdam, John Benjamins, 2012, 115–131.

Kortlandt F. On the meaning of the Japanese passive. *Acta Linguistica Hafniensia*, 1992, vol. 24, no. 1, pp. 97–108.

Kulonen U. M. The Passive in Ob-Ugrian. Helsinki, Finno-Ugrian Society, 1989.

Malchukov A. L. The syntax and semantics of adversative constructions in Even. *GENGO KENKYU (Journal of the Linguistic Society of Japan)*, 1993, vol. 103, pp. 1-36.

Maldonado R. Conceptual distance and transitivity increase in Spanish reflexives. In: Z. Frajzyngier, T. S. Curl (Eds). *Reflexives: Forms and functions*. Amsterdam, John Benjamins, 2000, 153–186.

Mithun M. The evolution of noun incorporation. *Language*, 1984, vol. 60, no. 4, pp. 847–894.

Honti L. *Chrestomathia ostiacica*. Tankönyvkiadó, Budapest, 1986

Rakhilina E. V. There and Back: The Case of Russian ‘go’. *GLOSSOS*, 2004, vol. 5, pp. 1–33.

Shibatani M. An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives. *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1994, vol. 20, no. 1, pp. 461–486.

Shibatani M. On the conceptual framework for voice phenomena. *Linguistics*, 2006, vol. 44., no. 2, pp. 217–269.

Talmy L. *Semantic Structures in English and Atsugewi*. PhD Diss. Berkeley: University of California, 1972.

Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. In: T. Shopen (Ed.). *Language Typology and Syntactic Description. Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon*. Cambridge University Press, 1985, 57–149.

Traugott E. C. Toward a coherent account of grammatical constructionalization. In: J. Barðdal, E. Smirnova, L. Sommerer, S. Gildea (Eds). *Diachronic construction grammar*, vol. 18. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 2015, 51–79.

Virtanen S. Transitivity in Eastern Mansi: An information structural approach. PhD Diss. University of Helsinki, 2015.